

сте Российской империи возникло новое государство – СССР. Так произошло и на исходе XX века, когда СССР прекратил свое существование, и на его обломках появилось новое государство – Российская Федерация.

Из всех наград царской России в СССР остался лишь орден Александра Невского. В 1942 г. он был утвержден как боевая награда. Совсем недавно состоялось событие, которое еще раз подтвердило мощь и единство славянских народов. Министр обороны Беларуси Андрей Равков передал Герою Советского Союза, летчику-космонавту Александру Викторенко орден Александра Невского, которым в 1943 г. был награжден его дядя, старший лейтенант Иван Викторенко. Награда пролежала в земле 75 лет. Военнослужащими 52-го отдельного специализированного поискового батальона останки бойца и его боевых товарищей были эксгумированы и торжественно перезахоронены в деревне Домановичи Калининковского района. Орден героя возвращен потомкам.

С 2010 г. орден Александра Невского продолжил свою жизнь, как общегосударственная награда Российской Федерации. И сегодня среди российских наград есть еще ордена в честь святых апостола Андрея Первозванного и Святого Георгия. Ведь каждый достойный гражданин нуждается *«в воздаянии и награждении одним за верность, храбрость и разные отечеству оказанные заслуги»*. И это великая честь.

Список литературы

1 **Шепелев, Л. Е.** Титулы, мундиры и ордена Российской империи / Л. Е. Шепелев. – М-СПб. : Мим-Дельта, 2005.

2 «Екатерининские орлы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// videolain. tmweb.ru/новости/ekaterininskie-orlyi](http://videolain.tmweb.ru/новости/ekaterininskie-orlyi). – Дата доступа : 26.10.2019.

3 **Щербатов, А. П.** Генераль-фельдмаршал князь Паскевич / А. П. Щербатов. – СПб., Тип. Р. Голике, 1888–1904 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7662/> – Дата доступа : 27.10.2019.

4 Румянцев-Задунайский, П. А. Великая и Малая Россия. Труды и дни фельдмаршала / П. А. Румянцев-Задунайский. – М., Эксмо, 2014.

УДК 271.2

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

А. С. СИДОРЕНКО

Минская духовная академия имени святителя Кирилла Туровского

В православно-церковных кругах дореволюционной Беларуси мы не встречаем ничего, что по своей организованности, известности, влиянию было бы сопоставимо с группой «32 столичных священника» и возникшим

на ее основе в Санкт-Петербурге Союзом ревнителей церковного обновления (СРЦО). Но значит ли это, что обновленческий раскол не имел в нашем регионе никаких предпосылок и был привнесен в среду местных православных христиан Советским государством? Такой тезис, например, отстаивает в своей статье, посвященной событиям в Полоцко-Витебской епархии, священник В. Горидовец [1], нам же он представляется далеко не бесспорным даже применительно к одной Витебщине, не говоря уже обо всех тогдашних белорусских епархиях (к ним еще относились Минская, Могилевская, Гродненская и Литовско-Виленская).

Церковная жизнь в Беларуси накануне революционного 1917 г. обнаруживала в себе те самые негативные характеристики, которые стали предметом критики реформистски настроенного петербургского духовенства. По словам протоиерея Ф. Кривоноса, «... в ней существовал ряд проблем, связанных с тем, что она была скована в своем течении синодально-консисторской системой, подавлявшей ее соборность, препятствовавшей более деятельному и активному самовыражению пастырей и мирян. Эти проблемы имели, прежде всего, нравственную подоплеку и проявлялись в казенном, формально-бюрократическом характере взаимоотношений между представителями государственной власти и священноначалием, архиереями и духовенством, пастырями и паствой... Кроме того, нарастающими темпами возрастала секуляризация общественной жизни, ее омбурщение и обезбоживание» [2].

Примечательно, что в период Первой русской революции архиереи всех пяти епархий, расположенных на территории современной Беларуси, «... на страницах отзывов в синод показали себя сторонниками реформирования института православной церкви» [3]. В частности, они выступили за созыв Поместного собора, восстановление института патриаршества, преобразование епархиального управления в сторону его децентрализации, расширение компетенции епархиальных съездов и прав приходских общин, выделение самоуправляющихся церковных округов, активное участие духовенства в общественной жизни. Безусловно, предлагавшиеся архиереями реформы не были столь радикальными, как те, что впоследствии, уже в советское время, провозглашались и осуществлялись обновленцами. Так, белорусские архиереи не считали возможным уравнивать на грядущем Поместном соборе голоса епископата, с одной стороны, белого духовенства и мирян, с другой, а тем более, придать последним решающее значение. Но здесь важно уже то, что они в принципе отвергли порядок управления Церковью, который был традиционен для императорской России, посчитав его виновным в упадке православной жизни. Нежелание и неготовность последнего русского царя (и формального главы РПЦ) Николая II пойти в ближайшей исторической перспективе на осуществление даже таких, в достаточной мере ограниченных, реформ неизбежно вело к радикализации внутрицерковных настроений, что в полной мере проявилось после победы Февральской революции 1917 г.

Временное правительство, как известно, не отменило институт обер-прокуратуры, сохранив светский надзор над Православной Церковью и продолжив – от царизма к большевизму – традицию игнорирования и ломки церковных канонов во имя политической целесообразности. Судя по декларациям того короткого исторического периода, ведущего от Февраля к Октябрю, это было сделано с целью помочь РПЦ вписаться в реалии стремительно демократизирующегося российского общества. В соответствии с установкой на то, чтобы свободный народ получил свободную Церковь, революционные власти предоставили православным христианам возможность «...созывать чрезвычайные епархиальные съезды духовенства, с участием представителей от приходов и местных духовно-учебных заведений, для обсуждения, в том числе и общих вопросов о положении Православной Церкви в государстве» [4]. Это был, конечно, беспрецедентный шаг: никогда в истории РПЦ духовенство и миряне не имели большего объема прав. И как же они им воспользовались?

Современный белорусский историк Церкви А. В. Слесарев опубликовал интересные и показательные документы, связанные с проведением Чрезвычайного Епархиального Собрания (съезда) духовенства и мирян Могилевской епархии в мае 1917 г. Участники этого действия приветствовали Временное правительство телеграммой, где представили себя в качестве «свободных граждан обновленной России», желающих поддержать «великую работу по обновлению государственной, общественной и церковной жизни на христианских началах свободы и братства» [5]. Чрезвычайное Епархиальное Собрание в Могилеве приняло ряд постановлений, содержащих целую программу широкой реорганизации церковной жизни. Так, высшим органом церковного управления предполагалось сделать Всероссийский Собор, который включал бы представителей от епископов, священников, диаконов, псаломщиков и мирян – при внушительном преобладании последних (две трети от числа участников Собора) [5]. Было зафиксировано предложение об избрании епископов не только из числа монашествующих, но также из белого духовенства и мирян, т. е. из лиц, могущих состоять в браке [5]. Все архиереи, получившие назначение в синодальный период, подлежали переизбранию паствой [5]. Духовно-учебные заведения должны были перейти на стандарты общеобразовательных школ и приобрести христианско-гуманитарный характер [5]. Принципиальному переустройству подлежали монастыри, на которые в новых исторических условиях возлагались задачи служения культурным, благотворительным и социальным целям. Например, при них следовало открыть «просветительные», технические, сельскохозяйственные и другие школы, пасеки, амбулатории, богадельни, приюты и т. д. Намечен был переход к коллегиальному управлению монастырской жизнью – с плохо скрытой перспективой отказа от настоятельских должностей [5].

Эти и другие идеи «православной общественности» Могилевской епархии не только соответствовали духу тогдашней «церковной революции», но

и имели прямое продолжение в программных требованиях обновленцев советской эпохи. В них самих, а также в формах и методах их «проталкивания» через решения Епархиального съезда нашел себе выход тот застарелый конфликт между белым духовенством и монашеским епископатом, который был отмечен нами в предыдущем сочинении и который позволил профессору С. В. Троицкому дать следующую характеристику послереволюционного обновленчества: «...поповский бунт или, говоря языком канонов, пресвитерианский раскол» [6]. Можно только высказать удивление по поводу того, что такая манифестация церковной «революционности» случалась в городе, где в 1915–1917 гг. находилась Ставка Верховного главнокомандующего русской армии, часто и подолгу жил царь Николай II, а среди местного духовенства, соответственно, должны были бы преобладать правоконсервативные настроения. Хотя, с другой стороны, именно вид города, переполненного революционными, «краснобанточными» войсками, с солдатами, которые уходят из казарм на митинги и не отдают честь офицерам, способен был оказать возбуждающее действие на православных клириков и мирян, взявшихся решать судьбы своей Церкви.

Все приведенные выше факты, на наш взгляд свидетельствуют о том, что у движения обновленцев в Беларуси (Восточной и Центральной, ибо Западная Беларусь с 1921 по 1939 г. находилась в составе Польши) были предпосылки и местные источники формирования, хотя, безусловно, свой классический вид оно приобрело здесь лишь после того, как возникло и стало набирать влияние обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ) в Москве. Последнее же событие стало возможным благодаря массивной помощи, которую А. Введенский и его соратники получили по линии РКП (б) и ОГПУ.

Каким бы «либералом» не казался тот или иной большевик, он вместе со всей своей партией был убежден, что борьба с «религиозными предрассудками» является необходимым инструментом и важным этапом в деле построения коммунистического общества. Популярный в Беларуси политик А. Червяков, возглавлявший в 1920–1937 гг. ЦИК БССР и входивший в узкий состав руководства КП(б)Б, активный сторонник НЭП и политики белорусизации, в 1936 г. лично приехал посмотреть на то, как будет взорвана одна из главных святынь православного Минска – церковь Казанской иконы Божией Матери. Вместе с ним этим зрелищем любовались первый секретарь ЦК КП(б)Б Н. Гикало и председатель СНК БССР Н. Голодед [7]. В течение ближайших двух лет они втроем сами стали жертвами советского тоталитаризма, однако по итогам деятельности их партии и их государства к началу 1940-х гг. в восточной части Беларуси были закрыты или даже уничтожены все (!) православные храмы [8].

Русские (и белорусские) большевики, особенно те, кто на хорошем гимназическом (как В. Ленин) или семинарском (как И. Сталин) уровне изучали Закон Божий и церковную историю, хорошо знали уязвимые места Православной Церкви, своего заклятого мировоззренческого оппонента. Они по-

нимали, что естественная для политики борьба партий и фракций, будучи перенесенной в Церковь, рано или поздно разрушит ее сакральный образ единого Тела Христова (Еф. 1: 23), Столпа и Утверждения Истины (1 Тим. 3: 15), и значительно облегчит секуляризацию советского общества. Вот почему одним из главных направлений своей антирелигиозной работы большевики сделали организацию раскола в РПЦ.

Список литературы

- 1 **Горидовец, В., священник.** К истории обновленческого раскола в Витебске / священник В. Горидовец // Вестник церковной истории. – 2007. – № 3(7). – С. 158.
- 2 **Кривонос, Ф., протоиерей.** Православная Церковь в Беларуси в период ее вхождения в состав Российской империи (конец XVIII – начало XX века): краткий исторический обзор / протоиерей Ф. Кривонос // Труды Минской духовной академии. – 2012. – № 10. – С. 228.
- 3 **Табунов, В. В.** Проекты реформирования Православной церкви в Беларуси начала XX века (на основе отзывов епархиальных архиереев) / В. В. Табунов // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 46.
- 4 **Фирсов, С.** Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II / С. Фирсов. – СПб. : Сатись, 2007. – С. 451.
- 5 **Слесарев, А. В.** Движение церковного обновления в Могилевской епархии после Февральской революции 1917 г.: Чрезвычайный Съезд духовенства и мирян / А. В. Слесарев // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. № 3 / гл. ред. А. В. Слесарев. – Минск: Изд-во Минской духовной академии, 2016.
- 6 **Троицкий, С. В.** Что такое «Живая Церковь»? / С. В. Троицкий // Обновленческий раскол : материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И. В. Соловьев. – М. : Общество любителей церковной истории. Изд-во Крутицкого подворья, 2002. – С. 99.
- 7 **Кривонос, Ф., священник.** У Бога мертвых нет. Незвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / священник Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – С. 194.
- 8 **Шиленок, Д., священник.** Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) / священник Д. Шиленок. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, Общ-во любителей церковной истории, 2006. – С. 53.

УДК 271.2

АГИОГРАФИЯ СВЯТЫХ ГОМЕЛЬЩИНЫ

И. Я. СКОРИК, В. А. КОЗЛОВИЧ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Родилась Мария (так до принятия пострига звали матушку) 1 апреля 1918 года в деревне Севрюки под Гомелем в семье Владимира и Гликерии